

Лето выдалось безумно жарким. Уже в середине мая, когда Андрей отправился в свое длительное путешествие, спиртовой столбик термометра в дневные часы осторожно касался отметки плюс двадцать восемь. Сейчас же в центрально-европейской части России припекало порой невыносимо, так что крутить педали по раскаленному, местами таявшему от жары асфальту было сущей мукой. Ночевки Андрей старался устраивать поближе к водоему или речке. Потрёпанная одноместная палатка уютилась, как правило, под навесом какого-нибудь кустарника или невысокого дерева, чтобы в случае ночного дождя ее не слишком мочило. Сам же одинокий путешественник устраивался вечерами на складном стульчике чуть в сторонке, и с картой в руках нещадно перестраивал запланированный маршрут так, чтобы увести его подальше от душных автомобильных трасс, но в тоже время не удаляться слишком далеко от цивилизации. Бывшая совсем недавно новенькой карта, к концу путешествия представляла собой жалкое зрелище.

Проложенная изначально красным маркером нитка маршрута выцвела и местами растеклась от дождевых капель, а, совершенно с ней не совпадая, рядом цветными карандашами были прочерчены другие линии: красным — предполагаемый маршрут по проселочным дорогам и лесам, а зеленым — реальный путь, пройденный за день. Последние линии тоже совпадали не всегда. Часто в местах, где на карте обозначалась просека, были непроходимые лесные завалы, а грунтовая дорога в низине луга на деле оказалась огромной заболоченной лужей, поросшей осокой. Но Андрея такие моменты несколько не огорчали. Именно за этим он и двинулся в свой долгий путь, намереваясь намотать на педалях велосипеда не менее двух тысяч километров. Несмотря на то, что в попутчики ему набивалось много друзей и знакомых, Андрей отправился один. Одиночный поход ему был нужен как воздух после пяти лет напряженной работы без отпусков, после тяжелого расставания с женой, сопровождавшегося истериками, криками, примирениями, и новыми скандалами, после длительного пристрастия к горячительным напиткам и хронической депрессии.

И чем дольше длилось его путешествие, тем больше он убеждался в правильности своего поступка. Вместе с пройденными километрами дорог за спиной оставались все былые проблемы и переживания. Упругий встречный ветер выдувал из головы дурные мысли, вызывая на лице довольную улыбку. Он уезжал не только от своего прошлого, он уезжал от самого себя, перерождаясь внутри в кого-то нового, совсем не похожего на того, кем он был раньше. Это напоминало ему передачу о насекомых, когда из неуклюжей зеленой гусеницы вдруг получалась легкая и элегантная бабочка. Что-то очень похожее происходило и с ним. Сбросив старую шкуру депрессивного трудоголика в начальной стадии алкоголизма, сейчас он отчетливо ощущал необратимость происходивших с ним перемен.

Легкий порыв ветра, загнул истертый край карты в руках. Андрей отвлекся от своего занятия и поднял голову. Как тяжелобольной, переведенный в палату для выздоравливающих, он с удовольствием принял свое ежедневное лекарство: прохладный вечерний ветер, донесший сладковатый запах озерной воды и дыма, красные отблески заходящего за лес солнца на колыхающихся верхушках прибрежного камыша, и всепоглощающую оперу цикад, с аккомпанементом озерных лягушек. Такого спокойствия в его душе не было уже давно. Наверное, только в далеком безмятежном детстве, когда прошедшие дни улетали назад без

всякого сожаления, а впереди была огромная, практически бесконечная, и невероятно увлекательная жизнь, только тогда он также сладостно мог наслаждаться запахом дыма, и теплым летним ветром, развивающим густые пряди волос. И беззаботность. Полная беззаботность! Где-то на горизонте сверкали зарницы проходящей стороной грозы. Рядом потрескивал небольшой костер, над которым, удерживаемый проволочной треногой, разместился походный закопченный котелок армейского образца. Андрей аккуратно сложил карту и убрал ее в карман рюкзака. Маршрут на завтра был в общих чертах ясен, если, конечно, загадочные русские дороги не поставят перед ним очередную неожиданную проблему. Но так будет даже интересней. Облокотившись на одно колено, он согнулся над гулко бурлящей в котелке пшенной кашей с тушенкой, и жадно втянул в себя аромат ужина. За день без обеда у него разыгрался нешуточный аппетит, и, удивительное дело, совершенно не хотелось выпить, как это бывало в первые дни похода.

Засыпал Андрей под далекие приглушенные раскаты грома и шелест листвы. Даже неугомонные цикады, притихли, чтобы не нарушать покой одинокого странника, навестившего их девственный мирок на странном, навьюченном вещами, алюминиевом коне.

Едва утренние лучи солнца пробились сквозь верхние ветви деревьев, Андрей понял, что его ожидает очередной знойный переход под палящим солнцем. На небе не было ни облачка, и жарило уже с утра. По плану всю первую половину дня он должен был ехать по лесу, под прикрытием густых крон деревьев, но как раз после того, как солнце пересечет зенит, его ждет почти тридцатикилометровый переход по грунтовке через огромный луг, а потом сплошь поля и редкие дубовые рощи. И только к вечеру, изнуренный жарой, он сможет добраться до небольшой деревеньки, расположенной у излучины реки, где будет возможность напиться и искупаться. Но всё это только планы.

Собрав палатку и пополнив запасы воды, Андрей легко вскочил на велосипед, направившись по уже высохшей от росы траве к темнеющему невдалеке лесу. Как и ожидалось, просечная грунтовая дорога на деле оказалась заросшей орешником узкой тропинкой, так что ехать верхом по ней не всегда получалось. Свисающий с двух сторон от заднего колеса, туго набитый вещами, вело-рюкзак постоянно цеплялся за выступающие ветки и сучья. Приходилось спешиваться и аккуратно проходить заросли, дабы не подвергать драгоценное имущество порче. Временами тропинка расширялась до полноценной грунтовой дороги, и тогда Андрей с удовольствием разгонялся на небольших склонах, ловя грудью сырой лесной воздух, терпко пахнущий дубовой корой и мхом. Во время одного из таких спусков, к своему величайшему удивлению, он вдруг заметил на небольшой полянке ярко-желтую велосипедную раму, слегка скрытую листьями орешника. От неожиданности он даже притормозил.

Слева располагалась, освещенная солнцем, земляничная поляна. О последнем факте Андрею подсказало обоняние. Запах переспелой ягоды заполнял все окружающее пространство. Орешник у дальней границы полянки вдруг зашевелился, и из него выпорхнула молодая симпатичная женщина, плавными движениями отряхивая подол легкого белого платья. Подняв голову и заметив Андрея, она растерянно улыбнулась и помахала рукой. Абсолютно не предполагая встретить в этих местах людей, а тем более красивую женщину, парень на мгновение растерялся, неуверенно вскинул руку в ответном приветствии, и снова налег на педали, удаляясь от нечаянной незнакомки. Дальше дорога уже была хорошо накатанной. На

влажной почве были отчетливо видны следы протектора автомобиля. Значит местные жители частенько посещают эту «волшебную» поляну. Андрей тоже был бы не против отведать сладкой земляники, но возвращаться уже не было смысла. Впереди его ждала еще не одна земляничная поляна. Успеется.

Дорога плавно спускалась вниз, и он катился, даже не крутя педали. Езда по лесной прохладе была в удовольствие. Цепким взглядом Андрей выхватывал из переплетений низких ветвей кустарника большие шляпки белых грибов. Остановиться бы и нарвать. Но куда там! Велосипед все больше набирал скорость, выбрасывая прошлогодние перепревшие листья из-под протектора колес. Ветер шумел в ушах, и вся жизнь велосипедиста ограничивалась сейчас стремительным полетом по петляющему зеленому туннелю лесной дороги. Как и все в жизни, это удовольствие оказалось недолгим. Яркое солнечное пятно в разрыве деревьев известило об окончании увлекательного аттракциона. Андрей нехотя зажал тормоза. Уже на выезде из леса его окатило волной раскаленного воздуха с луга. Дальше дорога шла под открытым небом в окружении бледно желтой пожухлой травы. Повсюду стрекотали кузнечики. Наручные часы показывали начало первого. Андрей пролетел лес, опережая график почти на час. Покидать лесную атмосферу и выбираться под палящее солнце хотелось меньше всего, и к тому же есть немного времени на перекус. Облокотив свой транспорт о ствол огромного вяза, путник скинул наплечный рюкзак и достал из него заготовленную заранее банку тушенки и ломоть походного хлеба, который он пёк сам в небольшом котелке на углях. Густо намазав тушеное мясо на хлеб, он уселся на низкий пенек у опушки и принялся с аппетитом жевать, осматривая окрестности. Весь луг впереди был охвачен штилем.

Ни одна травинка не шевельнулась от дуновения ветра, и только шустрые кузнечики вносили немного жизни в эту статичную картину, перепрыгивая с колоска на колосок. Над растрескавшейся пыльной дорогой плыло жаркое марево. С грустным чувством расставания Андрей вновь перевел свой взгляд на лес. Прямо напротив него располагалась небольшая полянка, скрытая от дороги низкой раскидистой липой, так что сразу он ее и не заметил. В глубине грозно темнел своей неприступностью густой непроходимый лес. Встав с земли, Андрей заглянул на поляну, доедая свой обед. Это место явно пользовалось спросом у жителей близлежащих деревень. Трава была давно и непоправимо утоптана. Как и положено местам, где побывал человек полу-разумный, весь периметр был усыпан окурками и обрывками газет. Валялись несколько пустых бутылок из-под водки, и смятые пластиковые стаканы. В разных местах поляны зияли черные следы кострищ. Забытый кем-то грязный носок мирно соседствовал с использованным презервативом, свисающим с листа ландыша. А девственный лес, стеснительно прикрывал этот позорный отпечаток цивилизации юной липой. Настроение у Андрея испортилось, и он снова накинул рюкзак на плечи, намереваясь продолжить путь, как вдруг сзади послышалось легкое шуршанье велопокрышек. По лесной дороге прямо к нему катился желтый велосипед с большой никелированной корзиной впереди. В корзинке позвякивали две двухлитровые стеклянные банки со свежей земляникой, а за рулем сидела та самая случайная незнакомка, которую он видел недавно в лесу.

— Подождите! — крикнула она, заметив, что парень снова собирается встать на педали.

Андрей послушно ждал пока женщина приближалась к нему, осторожно лавируя между выступающими на поверхность дороги корнями деревьев. Ее желтый велосипед при

детальном рассмотрении оказался перекрашенным советским «Днепром». Высокая рама, явно не предназначенная для женщин, задирала подол белого платья почти до самого сиденья, оголяя стройные загорелые ноги в потертых белых босоножках.

— Здравствуйте! — осветилась она белозубой улыбкой, останавливаясь рядом, и с ловкостью акробатки перекидывая ногу через раму, — Вы так быстро ездите!

— Здравствуйте, — кивнул в ответ Андрей, и вдруг понял, что он настолько отвык от людей, что даже не может придумать, что добавить к этой дежурной фразе. Женщина с интересом посмотрела на него смеющимися голубыми глазами.

— А я хотела Вас земляничкой угостить. Да поди тут догони с этими банками! Того гляди разобьются. А велосипед у Вас какой интересный! Вы же не из этих краев?

— Нет. Я путешествую, — Андрей тоже улыбнулся, почувствовав в этой веселой разговорчивой незнакомке родственную душу.

— Да Вы что? Интересно как! Один?

— Один. Иногда, знаете ли, хочется одному побыть.

— Ой, как я Вас я понимаю. Я вот тоже всё одна. А откуда и куда едете?

Прищуренные глаза незнакомки значительно расширились, когда она услышала пункт отправления Андрея.

— И что Вы оттуда на велосипеде приехали? А спали где? А с едой как? — продолжала она сыпать вопросами, — Это же так далеко.

— У меня есть палатка! А еду можно купить в любом магазине по пути. На крайний случай есть консервы.

— Как я Вам завидую! — в глазах женщины вспыхнуло искреннее восхищение, — Я всегда мечтала вот так же! Ехать куда глаза глядят! Ни от кого не зависеть, никому не отчитываясь!

— Для этого иногда нужно всего лишь сделать первый шаг.

Женщина ничего не ответила, а только еще раз посмотрела в глаза Андрею и грустно улыбнулась:

— Меня Алиса зовут! А Вас?

— Андрей!

— Очень приятно познакомиться, Андрей! Так, а куда вы дальше путь держите?

— Прямо по этой дороге. До деревни Дируново.

Женщина понимающе покачала головой:

— Далеко еще ехать. Да еще по такой жаре. А мне чуть ближе. У меня дача тут в пяти километрах. Но зато нам по пути. Может, составите мне компанию? Если Вы, конечно, не спешите.

В любой другой ситуации Андрей бы посетовал на недостаток времени и на свой строгий график, тем более, что по велосипеду спутницы было понятно: развивать сколько-нибудь сносную скорость по грунтовой дороге он не в состоянии. Да еще и эти банки! Но, что-то необъяснимое внутри категорически не пожелало так быстро расставаться с очаровательной спутницей, и слова вырвались наружу, прежде чем в дело вмешался рассудок:

— Конечно, Алиса, вместе веселее будет.

— И я так думаю! — женщина радостно схватилась за руль и повторила свой акробатический трюк с перебросом ноги через раму велосипеда, — А по пути я все-таки угощу Вас земляничкой.

Они выехали из тенистого леса и не спеша отправились под палящим солнцем в глубину

утомленного жарой луга. После короткого знакомства Андрею пришлось немного рассказать о своей прошлой жизни, особо не вдаваясь в разные постыдные подробности. В свою очередь он тоже кое-что узнал о спутнице. Алиса была почти на шесть лет старше его. Через неделю ей должно исполниться тридцать шесть, и Андрею пришлось отметить про себя, что выглядит она гораздо моложе своих лет. По крайней мере, он бы ей больше тридцати не дал. Пожалуй, только веселые лучики морщинок у глаз немного выдавали возраст. О своем прошлом Алиса говорила также неохотно и поверхностно. Жила в Саратове, а сюда выбиралась только летом на дачу. В прошлом ей тоже пришлось пережить мучительный развод и больше о замужестве она слышать не хочет. «А может быть, просто не встретила своего мужчину» — бросив беглый взгляд на Андрея, уточнила она. Проехали верхом они всего километра три, а потом все же пришлось идти пешком, потому как есть мелкую землянику, доставая ее из стеклянной банки, на ходу было крайне неудобно.

— А чем Вы на даче занимаетесь? — поинтересовался Андрей во время очередной неловкой паузы в разговоре, искоса поглядывая на спутницу, которая деловито вышагивала рядом, держа за руль свой огромный велосипед.

— Ну, там занятий всегда хватает, — рассмеялась она, — огород у меня небольшой есть, домик. Вот за земляникой езжу по окрестностям, грибы собираю. Без дела сидеть не приходится.

— А одной не скучно?

— А Вам одному не скучно? — Алиса опять посмотрела на него своими бездонными голубыми глазами.

Андрей задумчиво потер подбородок.

— Вы знаете, нет. Когда я только собирался в путешествие, то думал, что это будет невыносимо трудно. Захочется общения с людьми. Но на деле все оказалось значительно проще. Я бы даже сказал, что в отсутствии общения есть своя прелесть.

— Ну, частично я с Вами соглашусь. Но, например, вот с Вами очень легко и приятно общаться. Даже расставаться не хочется.

Женщина нервно улыбнулась. Андрей едва заметно пожал плечами, наблюдая краем глаза, как Алиса в нетерпении накручивает на палец длинный каштановый локон. Женщина всем своим видом выражала симпатию своему спутнику и, конечно же, ожидала от него какой-то внятной реакции. И он, пожалуй, ответил бы ей сейчас взаимностью, но слишком много «но» и противоречий еще жило в нем, мешая решиться на этот ответственный шаг. Алиса смерила молчаливого путешественника понимающим взглядом и, вздохнув, отвернулась в сторону.

— Ого! Кажется, мы не успеем дойти до дома! — вдруг вскрикнула она. И почти одновременно с ее возгласом, когда Андрей только поворачивал голову, небо расколол оглушительный раскат грома. По поверхности огромного луга, конца которому не было видно, стремительно неслась черная тень. Путники даже присели от неожиданности. Закрывая собой солнце, словно гигантское ватное одеяло, прямо на них по небу ползла фиолетово-черная грозовая туча. Внушительная белая шапка гигантским клубком вращалась на ее фронте, а дальше и луг, и оставшийся вдалеке лес, и пыльная дорога, по которой они прошли, исчезали в черных полосах ливня. Резкий порыв ветра пригнул желтый ковыль, и чуть было не опрокинул на спину Алису вместе с велосипедом. В небе ярко сверкнула молния, и тут же очередной раскат пронесся над головой. Андрей огляделся, оценивая ситуацию. Во

все стороны простиралась развеваемая свежим ветром луговая трава. Лишь только километрах в двух правее виднелся небольшой лесок. Хуже всего в ситуации было то, что гроза застигла их на вершине небольшого холма, а молнии били все чаще.

— Бежим туда! — перекрикивая гром, позвал Андрей и схватил женщину за запястье, увлекая в сторону леса.

— А велосипед? — перепугавшись, спорила та.

— Бросайте! Потом вернемся! — Андрей сильнее дернул Алису за руку, и она побежала следом. Мощные порывы горячего ветра в спину придавали им значительное ускорение, не позволяя замедлиться ни на минуту. Алиса несколько раз что-то кричала, но каждый раз ее голос глушили громовые раскаты. Когда до леса оставалось уже несколько сот метров, за спиной громыхнуло особенно сильно. Остро запахло озоном, и тут же неутомная туча выстрелила им в спины шрапнелью крупных капель дождя. Через несколько секунд весь окружающий мир исчез за упругими ледяными струями. Сверкало и гремело уже прямо над головой. Лес, к которому они стремились, скрылся из поля зрения, и бежать приходилось уже вслепую. Впрочем, и бегом это назвать было нельзя. Промокшая до нитки одежда сковывала движения, а раскисшая земля под ногами прилипала к обуви. К счастью грозовой фронт пронесся довольно быстро, и теперь бушевал где-то впереди, оставив их в арьергарде. Однако, ливень ослабевать и не думал, нещадно поливая озябших путников ледяными потоками.

— Андрей, подождите! — наконец-то докричалась запыхавшаяся женщина, — Теперь то уже куда спешить?

И правда, гроза прошла, а сухих вещей уже все равно не осталось. Ни на теле, ни в рюкзаке. Спешить уже было некуда. Андрей остановился. Рядом с ним остановилась запыхавшаяся Алиса. Бывшее когда-то воздушным платьем, намкнув, плотно облепило стройное тело. Подол был весь перепачкан в грязи и мокрой траве, а босоножки раскисли от влаги и порвались в нескольких местах, держась на одних узких лямках. Длинные мокрые волосы ровными локонами спускались по плечам и груди, а с короткой челки на лицо стекали тонкие струйки воды.

— Что-то я трухнула малость, — честно призналась она, глядя на Андрея расширившимися от страха зрачками, — ужасно боюсь грозу!

— Да, гроза серьезная, — Андрей стряхнул со лба мокрые волосы, стеснительно отводя взгляд от прозрачного платья спутницы — можно сказать, нам повезло, что все обошлось. Пойдем искать велосипеды?

Алиса растерянно осмотрелась. Дождь стал реже, и теперь впереди можно было отчетливо разглядеть высокие деревья, скрывающие в темной глубине какое-то странное строение. То, что они издали приняли за лес, на самом деле оказалось старым заброшенным садом с вековыми яблонями, изрядно заросшими диким кустарником и молодыми березками. Многие сухие деревья уже подгнили у основания и, накренившись, устало облокотились о своих еще живых сестер. Местами сохранились остатки когда-то мощного деревянного забора и два толстых столба, на которых, по всей видимости, должны были висеть ворота.

— Посмотрим? — заинтересованно спросила Алиса. Не дожидаясь ответа, она скинула с ног разорванные босоножки, и босиком пошла по чавкающей лужами траве к саду. Андрей поспешил присоединиться. Его всегда завораживали и притягивали подобные заброшенные уголки, сохранившие в себе уникальный отпечаток давно прошедших времен. Только теперь он заметил, что Алиса держит в руке полную банку земляники, которую она не решилась

бросить. Чем ближе они подходили, тем большее восхищение вызывали воротные столбы, изготовленные из бревен сантиметров сорок в диаметре. За прошедшее время они не то что не упали, а даже не покосились. В нескольких местах остались ржавые остатки внушительных воротных петель, кованных вручную. Широкая аллея, которая когда-то вела к дому, поросла тонкими и высокими деревцами, вздыбившими тяжелые каменные плиты. По листьям окружающих деревьев стучал дождь, создавая какофонию удивительных звуков. Казалось будто умирающий сад что-то шепчет незванным гостям, толи приглашая в свои объятия, толи предупреждая о чем-то. Андрей, шедший чуть сзади, заметил как передернулись плечи Алисы и тоже зябко поежился. Впереди, оцетинившись облезлыми балясинами балконов, на них смотрело старинное каменное здание с мансардой. Пустые глазницы окон в некоторых местах прикрывали перекошенные деревянные ставни. Входная дверь тоже оказалась на месте. Аккуратно ступая босыми ногами по мокрому щебню раскрошенной каменной лестницы, Алиса поднялась на просторное крыльцо. Андрей же обошел его сбоку и с любопытством заглянул в окно. Высокие потолки просторного холла были украшены красивой лепниной, которая уже местами обвалилась от сырости.

— Закрото, — тихо, словно боясь потревожить чей-то сон, произнесла Алиса, подергав за позеленевшую ручку двери.

— Сейчас я посмотрю, — Андрей ловко ухватился за обшарпанную раму окна и, подтянувшись, нырнул внутрь здания. Удивительно, но в просторном холле очень многое сохранилось нетронутым. На полу лежали выцветшие рулоны опавших с каменных стен обоев. Под ногами хрустели остатки гипсовой лепнины, когда-то опоясывающей высокий потолок, вдоль стены стояли два полуразвалившихся дивана, с выглядывающими из-под рваной обивки ржавыми пружинами. Дверь же с облупившейся краской оказалась закрыта изнутри на железный засов, который без труда открылся. Медленно, со скрипом распахнулись тяжелые двери, и Андрей на секунду замер. Стоявшая на крыльце босая молодая женщина с мокрыми волосами и немного испуганным взглядом вдруг вызвала у него такой прилив нежности, что захотелось упасть перед ней на колени, и крепко обнять, прижавшись щекой к стройным бёдрам. Какая-то юношеская безграничная радость затрепетала в сердце, готовая взорваться фонтаном неразумных и дерзких поступков. Все «но» и «если» моментально превратились в ветхость и, подобно старым обоям, с шуршанием скатились на пол. Он влюбился. Это осознание пришло безапелляционно, как падает на голову, сорвавшийся с крыши кирпич. Бах! И уже ничего не исправишь!

— Прошу Вас, мадам! — улыбнувшись, произнес он, с поклоном отступая в сторону.

— О, какая галантность, — растерянное лицо Алисы просияло ответной улыбкой. Она сделала несколько осторожных шагов вперед и завороченно огляделась. Холл или гостиная, которая тут когда-то располагалась, была практически во всю ширину здания — около двенадцати метров. Справа и слева у стен располагались полукруглые каменные лестницы, ведущие на верхний мансардный этаж. Прямо напротив входной двери был еще один дверной проем в другую комнату. Алиса подошла к нему, неловко ступая босыми ногами по битому гипсу. По всей видимости, тут располагалась столовая. В стене был солидных размеров закопчённый камин. В нем даже лежали несколько крупных углей и недогоревшее березовое полено. Кто-то недавно пытался его топить. Слева за стеной располагалась небольшая кухня с дровяной печью, а у самой стены стояла большая поржавевшая старинная ванна, заваленная обломками досок. Прямо над ней в потоке зияла огромная дыра. Два здоровых окна,

совмещенных с дверным проемом открывали вид на деревянную веранду, выходящую в сад. Обветшалые стропила ее давно обрушили часть крыши, и теперь веранда состояла из завалов гнилых досок и битого мшистого шифера. Андрей представил себе, как красиво тут должно было быть в те времена, когда в молодом саду расцветали яблони, наполняя теплый полдень жужжаньем пчел, а на открытой веранде дымил самовар, окутывающий гостей и хозяев ароматом дыма и крепкого индийского чая. А вечером, когда закатное солнце постепенно погружало деревья в розовые сумерки, хозяин поместья после плотного ужина усаживался тут в массивное кресло-качалку, чтобы выкурить трубку и прочесть свежую газету, подсвечивая себе яркой керосиновой лампой. На секунду ему даже показалось, что он почувствовал запах табака и яблоневого цвета.

— Там еще что-то есть, — полушепотом произнесла Алиса. Она шагнула на веранду, указывая рукой, на какие-то деревянные постройки во внутреннем дворе, и больно уколола ногу об острый осколок шифера, — Ай!

В то же мгновение она почувствовала, как крепкие руки вдруг подхватили ее под бедра и спину и вскинули вверх.

— Ой, ну что Вы, Андрей! — запротестовала она, широко распахнув глаза от удивления, — Опустите меня, я сама могу.

— Ничего, ничего, — мягко отвечал ей спутник, с удовольствием прижимая женщину к себе, — Так надежней будет. Тут же полно битых осколков.

Смущенно опустив взгляд, Алиса все же обвила шею мужчины руками, продолжая высматривать ветхие строения в окружении зеленых деревьев. Дождь все еще моросил, но со стороны луга уже виднелось просветление: ветер отгонял остатки грозы в сторону. Похрустывая размокшими ботинками по шиферному бою, Андрей с женщиной на руках осторожно прошествовал через развалины веранды, и мягко спрыгнул в густую траву сада, доходящую тут до самых колен.

— Ну все, Андрей, опустите меня, — попросила Алиса, — я дальше сама пойду.

— Да мне совсем не тяжело, — Он медленно шагал по траве, проверяя прочность земли под ногами, и больше всего на свете не хотел сейчас отпустить эту женщину с рук.

— Да что я принцесса Вам что ли? — Алиса уперлась руками Андрею в плечи, и тому не оставалось ничего другого, как опустить ее на землю, — Спасибо Вам, конечно, Андрюша, за такую трогательную заботу, но дальше я лучше пойду сама.

Они молча прошли по мокрой траве до небольшого хозяйственного сруба. По всей видимости, крепкая дубовая дверь в нем тоже была когда-то заперта на засов, но со временем старое здание повело, а зажатую дверь перекосило, и буквально разорвало пополам, свернув с петель. Сквозь образовавшиеся дыры были видны грубые деревянные нары и стол. В углу висела почерневшая рамка с пыльным стеклом. Под ней на темной полке виднелся огарок толстой свечи. Наверное, когда-то это была икона.

— А Вы никогда раньше не бывали тут? — спросил Андрей, удивляясь, как такое место до сих пор не привлекло внимание местных жителей. Алиса как-то невнятно повела плечами, но ничего не ответила.

— Смотрите, там колодец! — вдруг вскинула она руку.

В нескольких метрах от сруба действительно был устроен небольшой колодец.

— У! — крикнул Андрей в его темную глубину.

— У-у… у-у… у — отразилось от мореных стен эхо. Если хорошенько

присмотреться, то внизу можно было разглядеть отблески просветлевшего неба, отраженные водой.

— Хорошо тут, правда? — Алиса уселась на колодезный сруб и мечтательно посмотрела вверх, скрестив стройные ноги, и раскачивая ими.

— Да, — отозвался Андрей, тайком любуясь женщиной.

— Знаете, что бы мне хотелось сейчас больше всего?

— Наверное, высохнуть…

Алиса еще несколько секунд задумчиво следила за пролетающими облаками, а потом будто встрепенулась и удивленно посмотрела на Андрея:

— Что? — она перевела взгляд на свое промокшее, перепачканное платье и залилась громким смехом, — Нет, вовсе нет! Хотя, и это не помешает.

К огромному удивлению Андрея, женщина вдруг спрыгнула на землю, распустила тонкий ремешок, и, взявшись за грязный подол руками, вздернула платье вверх, с трудом снимая мокрую ткань через голову. Встряхнув в воздухе платье, теперь больше всего напоминавшее бесформенную серую тряпку, она повесила его на бревно колодца. При этом, оставшись в одном бежевом комплекте нижнего белья, она продолжала доносить Андрею свои мысли:

— На самом деле, больше всего на свете мне бы сейчас хотелось вернуться в те времена, когда вся эта усадьба еще дышала жизнью. Из колодца можно было напиться ледяной воды, подобрать спелое наливное яблоко в траве, и с хрустом его откусить, так чтобы сладкий сок побежал по подбородку. Достать из погреба бутылку холодно кваса… а лучше виноградного вина… разлить его по запотевшим кружкам и, утолив жажду, упасть хмельной головой в густую траву, и смотреть на плывущие облака, — Алиса говорила в захлеб, как одержимая, а глаза ее азартно блестели, словно она и вправду осушила кружку холодного вина, — А потом обязательно истопить баню! Жаркую, так чтоб дух перехватывало! Да с дубовым веником! Выскочить из парной в чем мать родила на свежий воздух, и прямо в бочку с колодезной водой! Ух! — Алиса ненадолго замолчала, продолжая вглядываться в небо. Ее грудь возбужденно вздымалась, а ресницы мелко подрагивали. Облизнув губы, она продолжила:

— А когда солнце сядет за горизонт и запоют сверчки, то можно разжечь лампу и подняться наверх… открыть окно, чтобы впустить в дом вечернюю прохладу, и упасть на мягкую перину, покрытую шелковыми простынями… притянуть тебя к себе… и… Словно черная тень вдруг пробежала по лицу женщины, моментально срывая с него мечтательное выражение, оставляя хмуро сдвинутые брови и дрожащие губы.

— Андрей, это я не тебе, извини! — резким голосом произнесла она, сама того не замечая, переходя на «ты».

— Ничего, Алис, я понимаю! — невольно обрадовавшись ее словам, закивал Андрей, — Ты романтик, а я очень люблю романтиков. Сам такой. И, знаешь, первая мысль, которая меня посетила, когда мы только вошли сюда, была схожа с твоей: «как было бы хорошо побывать тут лет сто назад».

— Хорошо, — снова сверкнула улыбкой Алиса и буквально вспыхнула, озаренная лучами вышедшего из-за облаков летнего солнца, — Ну, вот и лето вернулось! Осталось нам просохнуть и разбегаться по своим дорожкам. Кстати, мне кажется, что отсюда до моей дачи должно быть совсем не далеко.

Женщина сладко потянулась, выгибаясь грудью навстречу теплым солнечным лучам, а у

Андрея на душе вдруг тоскливо заскребли кошки. Только сейчас он осознал, что та незыблемая нега, в которой он пребывал с тех пор, как гостеприимно распахнул ворота забытой усадьбы, на самом деле может оказаться всего лишь пригоршней песка, неудержимо утекающей из рук сквозь пальцы. И вскоре ему придется дальше крутить свои педали, убегая от прошлого. И снова будут деревни, леса, луга и озера. Но уже не будет её. А без нее все это уже вроде и не нужно.

— Кстати, — прервала его мысли Алиса, — мы там велосипеды на дороге бросили. А по ней частенько местные мотоциклисты катаются. Не всегда трезвые.

— Да, я сбегаю за ними, — опомнился Андрей, — Вы… ты пока здесь побудь, а я быстро.

— А получится сразу два велосипеда привезти? Мой-то тяжеловат. Да и Ваш… твой, — передразнила она Андрея, весело подмигнув, — тоже ведь с вещами.

— Получится! Я быстро!

По-прежнему под действием юношеского азарта, Андрей с разбегу запрыгнул на останки веранды и, пробежав через дом, выскочил на аллею ведущую к лугу, где прибитая дождем трава, снова медленно поднималась навстречу искрящемуся солнцу. Пытаясь выплеснуть из себя жгучий коктейль чувств из страсти, ярости и отчаяния, Андрей бежал что было сил, решительно разрезая грудью воздух. Комья грязной земли, прилипавшие к подошвам ботинок, то и дело отлетали в разные стороны, взмывали высоко вверх, и с шуршанием падали в траву.

Назад он шел уже медленным шагом, ведя в руках велосипеда, с каждым пройденным метром ощущая приближение разлуки с так неожиданно полюбившейся женщиной. В мыслях совершенно некстати всплыла бывшая жена — Яна. «Ты меня совершенно не любишь» — часто причитала она, укоряя его в невнимании. А он всегда уверял ее в обратном, и только сейчас отчетливо понял, что все-таки нет, не любил. И вообще никого не любил до сегодняшнего дня. И зачем он вообще затеял этот бутерброд в лесу? Зачем не поехал дальше по дороге, которая так удачно стелилась под колеса? Зачем вообще проложил тонкую линию на карте через тот лес? Ведь было же еще масса вариантов и дорог! И тогда бы он не встретил ее. И тогда бы он продолжал жить той новой жизнью, которую уже смутно начинал себе представлять. Облокотив велосипеда о крыльцо усадьбы, он решил пройти во внутренний двор не через дом, а обойдя здание с торца. Наверное, раньше здесь была каменная тропика, которая теперь полностью заросла кустарником, обдирающим руки. Пробившись через заросли, он снова оказался у перекошенного сруба. Тут же на колодце развивалось грязно-белое платье Алисы, однако ее самой нигде видно не было. Солнце опять начало припекать, без помех пробиваясь через поредевшие кроны старых деревьев, и Андрей стянул с себя влажную рубашку, бросив ее на пенек у сруба.

— Повесь лучше вон на ту ветку, — раздался откуда-то сверху женский голос, — там быстрее высохнет на ветру. И брюки туда же.

Алиса стояла на небольшом каменном балкончике мансардного этажа, облокотившись локтями о сохранившиеся перила, и с довольной улыбкой смотрела на парня.

— Ты что?! — перепугался Андрей, — Немедленно уйди с балкона! Тут все может развалиться в любой момент!

— Ладно, ладно, — усмехнулась Алиса и медленно отошла к двери, — Сам же говорил, что я легкая.

Сердце Андрея выстукивало сумасшедший ритм. От одного осознания того, что балкон мог упасть, адреналин в крови подскочил до предела. Спотыкаясь об остатки гнилых досок, он в два прыжка преодолел веранду первого этажа, взлетел по лестнице наверх, и в дверях центральной мансардной комнаты столкнулся нос к носу с Алисой.

— Зачем ты сюда пошла? — бормотал он, заключая женщину в крепкие объятия, — Тут же все рухнет! А если бы балкон отвалился? Крыша бы упала?

Алиса стояла словно кукла, глядя перед собой замороженными немигающими глазами. Крепкие руки Андрея так сильно прижимали ее, что трудно было дышать. Всем телом она чувствовала мелкую волнующую дрожь, которая била парня. Его испуганные упреки постепенно сменились нежными убаюкивающими причитаниями. Он положил ладонь ей на волосы и пригладил их, немного успокаиваясь. И сейчас же из глаз женщины градом брызнули слезы.

— Ты знаешь, а я ведь нашла тут и баню и погреб, — всхлипывая проговорила она, нарыдавшись, и положила голову ему на плечо, — а еще возле камина в стене был тайник вот с этим, — она разжала кулачек, демонстрируя Андрею маленькую, по всей видимости, серебряную фигурку ангела.

Двор усадьбы, некогда представлял собой ухоженную ровную лужайку, где можно было поставить садовые кресла и наслаждаться прохладным ветерком. Справа ее закрывал высокий густой малинник, а слева ютился деревянный сруб, состоявший из небольшой жилой комнаты с чердаком, где в теплые осенние дни сушились душистые яблоки и сено, а в глубоком двухметровом подполе хранились соленья и напитки. С другой стороны к срубам примыкала небольшая банька, топившаяся по черному, а у выхода из нее бил подземный родник, наполнявший маленький, выкопанный вручную прудик. Сейчас он представлял собой обычный, засыпанный прошлогодними листьями овраг. От бани остались только три позеленевшие стены с прорубленным в них маленьким окошком. Стена с дверью, вырвавшись из зацепления гнилых бревен, лежала на дне оврага. Но даже спустя прошедшие десятилетия, заметаемая снегами, выжигаемая солнцем и тысячи раз политая дождями, она все еще сохраняла тот неповторимый банный дух, который царил тут изначально. А на мансардном этаже усадьбы размещалась большая просторная спальня, с железной ванной и туалетным столиком. Прямо у окна стояла роскошная дубовая кровать, а с маленького балкончика в то время, когда деревья еще не были такими большими, можно было разглядеть деревянный купол далекой церкви. Кровать и сейчас была на месте. Истлевшие резные ножки ее давно подломились, обрушив массивный корпус на деревянный пол, а по периметру она обросла горками мелких опилок, оставленных древесным точильщиком. На месте ванны зияла огромная дыра в полу. Истлевшие доски не выдержали, и сбросили тяжелую ношу на бетон первого этажа. Там она и осталась лежать, возвышаясь над полом на кривых высоких ножках.

Андрей с Алисой лежали на залитой солнцем поляне в густой траве, глядя как кроны яблонь прощально машут улетающим вдаль облакам. Рядом опрокинулась полупустая банка с земляникой.

— Знаешь, а я ведь с самого начала почувствовала, что ты какой-то особенный, — тихим голосом призналась Алиса, зажав зеленый колосок уголком губ, — еще там в лесу, когда ты меня застиг в самый пикантный момент.

Она тихо рассмеялась.

— Какой же я особенный? — так же тихо ответил Андрей, — Самый обыкновенный.

— Нет, не обыкновенный! — Алиса перевернулась на бок и с нескрываемой нежностью посмотрела в глаза Андрею, — Особенный!

Она вдруг наклонилась к нему и прильнула губами к губам. Андрей опешил всего на секунду, а потом обнял женщину за талию, притягивая ближе к себе. От прикосновения полуобнаженного тела возлюбленной на него моментально нахлынуло желание. Он обхватил женщину за мягкое бедро и попытался перевернуть на себя, но Алиса тут же отстранилась и села в траву.

— Останемся здесь? — спросил Андрей, неловко прикрывая рукой, торчащий бугор на трусах.

— Давай! Только завтра мне нужно будет уезжать.

— Ты не поняла, — Андрей сел рядом и взял Алису за руку, — Останемся здесь насовсем? Ведь можно же попробовать выкупить эту усадьбу, отреставрировать.

Алиса повернула к Андрею удивленное лицо.

— Андрей, — произнесла она так, словно обращалась к неразумному ребенку, — здесь уже ничего не восстановишь! О чем ты говоришь?

— Если очень захотеть, то можно! — не унимался парень, — Вложиться придется, это да. Но нет ничего невозможного. Пусть не сразу, но я бы смог это сделать, если ты согласишься.

— Я не соглашусь, — холодно ответила Алиса.

— Почему?

— Потому, что это место не предназначено для настоящего. Оно осталось в прошлом, и живет им. Его нельзя менять. Ничего нельзя менять

— А ты?

— А что я?

— Ты; — Андрей сглотнул слюну, собираясь сказать самое важное, — останешься со мной?

Алиса долго молчала. По лицу ее было трудно понять о чем она думает. Оно одновременно выражало и нежность, и холодную решительность. Наконец, она провела ладонью по небритой щеке Андрея и тихо прошептала:

— Я не свободна, Андрей;

Словно холодная игла вошла в сердце парня, сбивая его ритм. Он еще раз повел кадыком, сглатывая вязкую слюну.

— Но ведь; ты же говорила, что одна;

— Одна, — кивнула она согласно, — но не свободна.

И тут же ее настроение стремительно поменялось. Словно кто-то внутри щелкнул маленьким тумблером, переключая режим.

— У тебя есть мыло? — вскочив на ноги, веселой скороговоркой произнесла она.

— К-какое мыло? — наморщил лоб Андрей, ничего не понимая.

— Любое мыло, которое мылится.

Андрей молча хлопал глазами, пребывая в полной прострации, вызвав у Алисы приступ заливистого смеха:

— Да постирать я собралась, глупый! Чтобы к утру вещи высохли. Да и самим помыться не мешало бы.

— А-а-а; — протянул Андрей, по-прежнему туго соображая, — там в рюкзаке есть

мельница.

— А воду ты с колодца добыть сможешь?

Сам не свой, двигаясь как в тумане, Андрей разобрал свой велорюкзак, нашел там длинный моток веревки, и, привязав его к большому котелку, принялся черпать воду из глубокого колодца. Как ни странно, вода не казалась застоявшейся. Прозрачная и ледяная, она наверняка подошла бы и для приготовления пищи. В качестве емкости для стирки, Алиса находчиво воспользовалась старой ванной, стоявшей в бывшей столовой. Походным топориком Андрей наколот сухие стропила, валявшиеся по всей веранде, и разжег прямо под ванной огонь, чтобы согреть воду.

— Слушай! — обрадованно произнесла Алиса, нагибаясь над ванной, и игриво виляя перед Андреем упругой попой, — Тут после стирки можно и ванну принять!

Андрей сдержанно улыбнулся и пошел от греха подальше к колодцу. А Алиса активно принялась за стирку, намывая пятна на платье. Через полчаса на натянутой меж двух яблонь веревке уже развивались по ветру постиранные вещи. Рядом на небольшом костре, готовился ужин из пшена и мясных консервов. День плавно клонился к закату. Не решившись ночевать в ветхом доме, Андрей поставил свою палатку прямо в густой траве на лужайке. Настроение у него было отвратительное. Почему-то он был полностью уверен в ответных чувствах Алисы и в том, что у них все получится. И что значит не свободна? Сама же говорила, что с мужем развелась, а мужчину своего еще не встретила. Быть может и Андрей не попадал под какие-то ее особенные критерии?

— Что ты такой грустный? — Алиса весело растрепала волосы на голове парня.

— А радоваться нечему? — Андрей выразительно взглянул на стоявшую рядом женщину. Алиса выдержала его взгляд даже не моргнув, только веселая улыбка на ее лице немного потускнела. Она ненадолго прикрыла глаза, словно вспоминая что-то, а потом присела рядом с парнем на корточки и обхватила его лицо ладонями.

— Пошли со мной!

— Куда?

— Пошли, тут рядом!

Она взяла его за руку и потянула по сырой траве вглубь заброшенного сада. Андрей шел молча, стараясь заблаговременно отклонять в стороны низко свисающие сухие ветки, и прихрамывая, наступая босыми ногами на твердые сучки. Алиса уверенно вела его по огромному саду, пока они не оказались у противоположного его конца. Когда последние деревья расступились перед ними, взору снова открылся безграничный луг. Вот только трава тут была давно скошена и аккуратно уложена в большие душистые снопы.

— Мы пришли, — запыхавшись произнесла Алиса, и тут же бросилась на шею парню, сливаясь в горячем поцелуе. Голова у Андрея закружилась. Он крепко обнял женщину за талию и прижал к себе. Ему показалось что земля под ними исчезла и они летят в облаках, обдуваемые прохладным вечерним ветром. Потом что-то мягкое, подобно перине, подхватило их снизу, и он зарылся головой в ароматное сено.

— Любимый мой? — словно издали послышался голос Алисы, — любимый? — Андрей почувствовал, как шелковая ткань лифчика, разделяющего их, вдруг выскользнула в сторону, и в грудь уперлись твердые бусинки женских сосков. Изнывая от нетерпения, он запустил горячие ладони под резинку трусиков, и страстно сжал мягкие ягодицы возлюбленной. Алиса прервала поцелуй и тяжело задышала. Она запрокинула голову,

подставляя шею теплым губам своего любовника, а руки нетерпеливо избавлялись от мешающего нижнего белья. Андрей нетерпеливо подался вперед и утонул во влажной и горячей неге женской утробы. В этот момент до исчезающей в сумерках старой усадьбы докатился далекий стон наслаждения, отразившийся эхом в темных пустых комнатах. Если бы кто-то сейчас мог видеть внутренний фасад поместья, то ему бы показалось, что старое здание усмехается, оскалив беззубый рот полуобрушенной веранды. Но это была только игра света, созданная лучами заходящего за кроны яблонь солнца. Сад медленно погружался во мрак. Поднявшийся к ночи ветер раскачивал вековые кроны, унося сладкие звуки любви прочь на необъятные просторы скошенного луга. А два обнаженных тела продолжали переплетаться в любовных ласках, даже когда на небо вышла покрасневшая от смущения луна.

Проснулся Андрей рано утром, когда первые солнечные лучи только пробивались из-за горизонта. Сад постепенно наполнялся веселой трелью птиц. Раскиданный стог сена был весь влажный от росы. Алисы рядом не было. Переворошив раскиданное сено, Андрею так и не удалось найти свои трусы, так что идти назад по просыпающемуся саду пришлось голышом. Усадьба его встретила точно такой же, какой они оставили ее вчера вечером. Натянутый тент палатки со скопившимися в углублениях лужицами росы, который так и не пригодился этой ночью, закопченный котелок со сгоревшей кашей над остывшими углями, и натянутая бельевая веревка меж двух яблонь. Вот только белье с нее исчезло. Не было также и яркого желтого велосипеда с блестящей корзиной. Смутное беспокойство овладело парнем.

— Алиса! — громко позвал он. Но никто не ответил. Палатка оказалась пустой. Только его постиранные брюки и футболка лежали там аккуратно сложенными. Быстро одевшись, Андрей побежал в дом. Гулким эхом отдавались в пустых комнатах его торопливые шаги. Дом был пуст и мертв. Теперь, когда он остался тут один, вчерашняя восторженность старинной постройкой сменилась вдруг ощущением необъяснимого страха. Каменные стены и высокий полоток, словно сжавшись в размерах, давили человека, лишая возможности логически думать и подавляя волю. С улицы подул ветер, ледяным сквозняком пробежавший по комнатам, и в этот момент Андрею отчетливо послышался тихий неразборчивый шепот. Мурашки пробежали по позвоночнику и ледяной волной ударили в голову.

— Алиса! — в отчаянии выкрикнул он в открытую на веранду дверь. Но вместо ответа с потолка вдруг сорвался отсыревший кусок гипсовой лепнины и с грохотом рухнул на бетонный пол, разлетевшись мелкими белыми кусочками. Не помня себя от необъяснимого страха, парень выскочил во двор и огляделся, тяжело дыша. Он еще несколько раз безответно позвал свою возлюбленную. Чувство тревоги нарастало с каждой минутой. Ветра не чувствовалось, однако оживший сад почему-то угрожающе скрипел стволами деревьев. Несколько раз Андрей нервно оглядывался на темные оконные проемы здания. Ему казалось, что оттуда кто-то следит за ним. В душе царила какая-то до сих пор неведанная пустота и одиночество. Решив, что Алиса уехала пораньше, чтобы избежать мучительных объяснений, парень стал второпях собирать палатку и вещи, надеясь догнать ее. Найти следы велосипедных шин на непросохшей земле. Вернуть! Прижать к себе и никогда уже не отпускать! Бегом, толкая впереди себя велосипед, он продирался через заросли кустов, разрывая руки в кровь об острые шипы и ветки. Казалось, усадьба пытается удержать его. Мешает всеми силами пуститься в погоню. Хватает за одежду костлявыми лапами ветвей.

Выскочив на покореженную аллею, Андрей припустил еще быстрее. И чем больше он ускорялся, тем сильнее ужас овладевал им. Казалось, будто кто-то бежит сзади, вот-вот готовый схватить за плечо. Оглянуться не было сил. Весь в холодном поту он выскочил на бескрайний луг и остановился. Дыхание постепенно восстанавливалось, и вместе с ним возвращался холодный рассудок. Андрей оглянулся. На деревьях центральной аллеи весело щебетали воробьи. Сама усадьба, освещенная утренним солнышком, выглядела хоть и заброшенной, но вполне гостеприимной. И что на него нашло? Вспомнив об Алисе, он осмотрел траву вокруг. Хорошо виднелись две параллельные примятые линии от узких колес — это он вчера вечером вез тут велосипеды. Никаких других следов видно не было. Быть может, она катила свой желтый велосипед по той же колее? Вот рядом и какие-то небольшие следы виднеются. Однако, на дороге, вспыхнувшая была надежда, снова угасла. Еще не полностью просохшая после вчерашнего ливня земля оставляла на себе отчетливые следы, но она была девственно чиста. Только позади Андрея, уныло бредущего вперед, оставался след протектора и отпечатки подошв ботинок. В голове у парня творился хаос. Не успевал он зацепиться за появившуюся мысль, как ее тут же сменяла другая, мешая сконцентрироваться. Что делать дальше? Возвращаться в усадьбу и подождать? Или искать другие дороги поблизости? Алиса говорила, что ее дача находится где-то рядом. А может быть она, никуда и не уходила, а просто спряталась где-нибудь там, вместе с велосипедом и ждет, когда он уйдет подальше? Путник еще раз оглянулся на видневшийся невдалеке сад. Нет. Он не сможет вернуться туда. Что-то внутри категорически противилось этому. После мучительных колебаний, он все же вскочил на велосипед и, свернув с дороги, поехал по густой траве луга. Не приближаясь слишком близко, он обогнул злосчастный сад с востока, намереваясь объехать его по периметру. Наверняка там есть какая-нибудь другая дорога. Но кругом были только лишь нетронутые луга. Не видно было даже вчерашних стогов сена. Всюду росла высокая пожелтевшая трава. Сделав круг, Андрей через час с небольшим снова вернулся к единственной грунтовой дороге. На его карте усадьба вообще не была обозначена. Да и никаких населенных пунктов поблизости тоже. Разве что деревня Дируново, в которой он вчера планировал ночевать. Безнадежно вздохнув, он решил ехать туда и поискать какую-нибудь информацию у местных жителей. Где-то далеко сзади послышался звук мотора, и через несколько минут, Андрей увидел на дороге, километрах в пяти, синий трактор, который подвывал на подъеме, выбрасывая ввысь черные хлопья дыма. Тракторист — веселый усатый мужик лет пятидесяти лихо тормознул свой транспорт рядом с велосипедистом и открыл дверь:

— Доброго утречка! — крикнул он, — Может подвезти?

— А куда Вы направляетесь? — уточнил Андрей.

— В Дируново. Тут больше и некуда.

Тракторист помог Андрею пристроить и привязать велосипед на небольшом плуге сзади трактора, и они помчались вперед, раскидывая по обочине большие комья грязи, прилипавшие к колесам.

— Путешествуешь? — спросил тракторист, раскуривая папиросу.

— Да; — Андрей с тоской посмотрел в боковое окно, где плыли, удаляясь зеленые кроны старого сада.

— Я тоже в молодости на велосипеде пол страны исколесил. Меня, кстати, Егор зовут.

— Андрей;

Тракторист немного помолчал, попыхивая папиросой на свои рыжие усы.

— Сейчас то велосипеды он какие пошли, — снова продолжил он беседу, — а-а-а в наше-то время что там… «Украина» у меня была. Скрип-у-у-чая спасу нет. Ужо и смазывал ее, и разбирал. Неть, скрипеть зараза. Запчастей-то днем с огнем не найти… да-а-а, были времена…

— А вы сами с Дируново? — спросил Андрей.

— Оттуда… — Егор глубоко затянулся и заполнил кабину едким табачным дымом.

— А что вон там за сад с домом знаете?

Тракторист посмотрел на далекие зеленые кроны, а потом перевел смеющийся взгляд на Андрея.

— Усадьба там старая… — ответил он, — Говорят графья какие-то жили. Не то Алтухьевы, не то Алтуфьевы. Сейчас уж заброшено все.

— А дачи тут где?

— Какие ишо дачи?

— Ну, дачный поселок тут есть?

— Отродясь не было. Кому ж тут дачи нужны то? — усмехнувшись в усы, удивился Егор, — Из деревни-то все бегут, дома бросают. Делать нечего.

Андрей замолчал и отвернулся к окну.

— А у усадьбы то этой интересная история, — заговорил Егор, чувствуя у попутчика интерес к родным местам, — Граф энтот, со странностями видать был. Вроде как сам жил не то в Москве, не то в Ленинграде, а тут у него вроде дачи что-то, — тракторист весело толкнул Андрея локтем, — так что может это и есть твой дачный поселок? В те времена тут вообще глухомань была. Это ж еще при царе происходило. По весне и осени, так вообще не проехать. Гряз-и-и-ища! Ну, наверное, нелюдимый какой был. Всяко бывает. Еще, вроде как, он деревьями очень интересовался. Даже книжки на эту тему писал. Сад огромный посадил. Так вот, рассказывали, что жена у него красавица была. Все на балах столичных сверкала. И донесли ему, значиться, что изменила ему она. Правда, иль нет — кто теперь разберет. Так он со злости ее сюда и сослал. А сам в городе остался. Забросил и науку свою, и сад. Больше ноги его тут не было. Так и жила, бедняжка одна несколько лет. Из прислуги только бабка какая-то с ней. Да с деревни наведывались мужики на заработки — дров наколоть там, деревья какие попилить. Еду так же продавали, молоко. Мне про то дед рассказывал. Он тоже по молодости бегал туда на подработку. Саму-то графиню не видал. Ему все это служанка рассказывала, которой он помогал зерно молотить. Да-а-а-а… вот сколько уже лет минуло… и людей уж нет тех, а дом все стоит.

Тракторист приоткрыл дверь, и выбросил тлеющий окурок.

— Ну а потом что? — сгорая от любопытства, спросил Андрей.

— А потом она умерла. Тут кто что городит: кто говорит, будто сама с тоски повесилась, иные, что муж ее приехал, и в пьяном угаре задушил. Сейчас уж только гадать остается.

Старуха-прислужница сразу исчезла куда-то. В город, видать, подалась. Осень на дворе стояла. Распутица начиналась. Дед мой, как раз в армию призвался, так что сам ничего не видел. Поговаривают, что вроде где-то тут бедняжку и похоронили. С тех пор все и заброшено. Через пять лет революция началась. Граф энтот где-то под горячую руку попал красноармейцам, его и хлопнули.

— А почему никто не хочет усадьбу эту в порядок привести, отреставрировать, музей

устроить?

Егор весело усмехнулся, обнажая желтые зубы:

— Да кому это надо? У нас в деревне церковь резная есть. Из тесаной сосны без единого гвоздя строенная. С тремя алтарями и колокольной. Поговаривают, что даже в какую-то книгу внесена, где все ценные строения перечислены. Так вот, если б мы сами ее не подлатывали, уже б давно развалилась эта ценность. Ни копыа еще от государства не получили. А ты про какую-то дачу! Да и, вообще, по правде говоря, мы стараемся это место стороной обходить, — прищурившись, сказал он, — нечистое там что-то.

— Призраки чтоли? — Андрей хотел сказать это шутливо, но получилось совсем не так.

— Ну, тут уж, хочешь — верь, хочешь — нет. Я-то тоже не из доверчивых. Думал шутки все, сплетни бабские. Так мальчишкой еще повадился туда за яблоками бегать. Одиново залез на дерево (яблоки то еще зеленые были, сами не падали), сижу, пытаюсь до нужной ветки палкой дотянуться. Как вдруг слышу, внизу вроде дверь стукнула. Глядь вниз, и успел краем глаза заметить, как кто-то в темной овчине за угол дома заходит. Спину только увидел сгорбленную и ногу в сапоге блестящем. Спрыгнул я вниз, следом побежал. Никого! Хочешь — верь, хочешь — не верь! Ни души единой! Я весь двор оббегал, а когда понял, что приведенье то было, так меня всего как из ушата холодной водой окатило. Бежал до деревни — только пятки сверкали. И с тех пор я туда ни ногой! И сыну строго настрого запретил! Пацаны то молодые бегают. Костры там жгут, черт знает чем занимаются. Но до поры до времени это все. Лучше от бесов держаться подальше. И тебе не советую туда соваться.

— А как звали ту графиню?

— Да кто ж ее знает? Сейчас и не упомянет никто. Пытались мы как-то могилку ее разыскать, да так ничего и не нашли. Или не здесь хоронили, или уж крест пропал.

Взволновавшись от рассказа, Егор вытряхнул из пачки новую «Приму» и закурил:

— Так что, брат, всякое на свете бывает? Или вот давеча по телевизору передачу показывали?

Егор пустился в новые рассказы, но Андрей уже не слышал его. Он смотрел на приближающийся зеленый лесок, и возвышающийся над ним деревянный купол уже близкой деревенской церкви, а видел огромные, словно вросшие в землю, деревянные столбы, ржавые петли ворот, и вывороченные корнями каменные плиты аллеи. Перед мысленным взором снова стоял огромный зал, заваленный битым гипсом, развалившиеся диваны, и полукруглые лестницы, ведущие в графскую спальную. Снова распахнулись скрипучие двери, а на крыльце стояла она — маленькая босая женщина в мокром белом платье и испуганно смотрела на него. И опять, как тогда, сердце Андрея дернулось в болезненной судороге. Алиса! Любимая! Где же ты сейчас?

Тракторист высадил его на центральной сельской улице, сообщив при этом, что магазин заработает только на следующий день. Андрей поблагодарил веселого мужика за все, и напоследок уточнил:

— Скажите, Егор, а нет ли у вас в деревне женщины по имени Алиса?

— А-л-и-с-а? — нараспев повторил тракторист, — красивое имечко, но таких у нас точно нет.

— Может проездом тут такая была. На желтом велосипеде. Она где-то рядом живет.

Егор нахмурился и погладил усы:

— Нет,

не припомню. Да и где тут рядом жить-то? Тут ближайшая деревня в семидесяти километрах.

— Спасибо Вам, еще раз. И за быструю дорогу, и за интересный рассказ.

— Да было бы за что! — махнул рукой Егор, — Ты куда теперь? Может переночевать надо? У меня в бане можно.

— Нет, спасибо; — грустно улыбнулся Андрей, — мой дом всегда со мной.

Он медленно ехал по деревенской дороге в сторону реки, не обращая внимания на любопытных мальчишек, облепивших забор, и дородную босоногую женщину с ведром воды, провожающих удивленным глазами странного путника. Сумерки уже начали окутывать окрестности, и Андрею вдруг нестерпимо захотелось вернуться на сутки назад. Вернуться, и остаться там навечно. Он остановил велосипед на берегу неглубокой, заболоченной речки, упал в сырую густую траву и крепко сжал кулаки, задыхаясь от сдавившей грудь тоски.

В старинной гостиной ярко полыхал огонь. Трое парней и девушка сидели на узкой лавке, сделанной из двух больших камней и гнилой доски, найденной тут же. Наступали сумерки и ребята зябко жались друг к другу, замороженно глядя на искры костра.

— Ерунда это все, я ведь вам говорил, — обиженно пробубнил невысокий курносый паренек, — нет тут призраков.

— Вообще не ерунда, — живо перебил его другой парень — короткостриженный, с яркими крупными веснушками, — мне отец рассказывал, что сам это видел.

— Мало ли что он видел, — стоял на своем курносый, — наврал, а ты поверил. И другим свистишь. Я тут сто раз был, и никогда ничего не видел.

— Ладно, вам ссориться, — поежилась девушка, — место действительно пугающее. Не зря мы сюда шли.

Она обвела замороженным взглядом потрескавшиеся стены и завалы досок на веранде. Вдруг маленький темный проем возле камина привлек ее внимание.

— Там что-то лежит! — обрадовано вскрикнула она и подбежала к стене.

— Что там? — ребята нетерпеливо топтались рядом, пока девушка тонкими пальчиками вытаскивала из узкой щели аккуратно сложенный листок бумаги, и почерневшую от времени маленькую фигурку ангела, сложившего в мольбе ладони.

— Ого! Похоже старинная! — восхищенно произнес веснушчатый, — А что за листок?

Девушка развернула пожелтевший тетрадный лист бумаги, исписанный мелким аккуратным почерком.

— Темно, не разобрать; — прищурившись сказала она.

— Давай к огню!

Девушка уселась на корточки у жарко горящего камина и стала громко читать:

«Любимая моя! Это письмо — последний всплеск отчаяния в моей душе. Мне хочется верить, что ты однажды появишься здесь и вспомнишь об этом тайнике. Если ты когда-нибудь прочитаешь эти строки, то умоляю, заклинаю тебя — дай мне знать! Я вернусь сюда через год. Я буду возвращаться каждый год, в тот же самый день, когда мы с тобой повстречались. Быть может, ты решишься открыться, и мы снова встретимся. Мне показалось, что я начал сходить с ума. Еще не было ни одной ночи, чтобы ты мне не приснилась, а один раз, проснувшись утром, я ясно услышал, как ты звала меня. Но это был только мираж. Иногда, мне кажется, что и ты всего лишь мираж. Призрак, пришедший из прошлого. Но стоит вспомнить твои сладкие губы, пахнущие земляникой, твои бездонные веселые глаза, и мне становится

смешно от этих глупых предположений. Одного понять не могу — почему ты ушла? Конечно, у тебя были на то веские причины, и возможно, ты сама мне все расскажешь, когда придет время. А пока я буду жить надеждой на скорую встречу. Потому что люблю тебя! Потому что я жив только пока ты живешь в моей душе!

Прости меня, Алиса, за все! Прости и вернись!

Навечно твой Андрей.

19.06.2010«

— Алис, это не тебе ли послание? — усмехнулся высокий статный парень в желтой футболке.

— Две тысячи десятый, — задумчиво произнесла девушка, — уже четыре года прошло с тех пор. И тоже июнь. Давайте положим записку на место, вдруг она еще кому-то нужна.

— Да кому она уже нужна? — проворчал курносый, — Разве что призрак вашему.

Кроны деревьев вдруг беспокойно зашумели. Свежий ветер гнал с запада грозу.

— Может, пойдём отсюда? — вдруг беспокойно спросила девушка, складывая записку, — Поздно уже.

Сквозняк завыл в трубе дымохода, заставляя пламя ожить и вытянуться высоко вверх, подобно кобре, занявшей боевую стойку, и в этот момент всем отчетливо показалось, что в огромном холе кто-то ходит, осторожно похрустывая обсыпавшейся штукатуркой. Молодые люди замерли и в ужасе переглянулись. В этот самый миг сильный порыв ветра сорвал с крыши очередной обломок шифера и тот с грохотом обрушил его о сохранившиеся стропила веранды.

— А-а-а-а-а! — вдруг закричал курносый парень и рванулся к выходу. Остальные бежали молча, напрямик прокладывая себе дорогу через густой терновник. Яркая молния осветила сумрачную усадьбу, и через несколько минут послышался далекий раскат грома. В камине щелкнуло полено. Горящий уголек вдруг выскочил на каменный пол, описав в воздухе яркую дугу, и аккуратно приземлился на краешек брошенной записки. Сухая бумага тут же вспыхнула, закружилась в воздухе горящим серым пеплом, доверяясь воле ветра. Маленький огненный смерч в камине осел и притих. Сумерки плавно сменились ночью, небо запестрило ярким каскадом звезд. Наступила удивительная тишина, которая часто обитала здесь в ночные часы. И в этой тишине вдруг раздался едва слышный, далекий и близкий одновременно, женский вздох. Но слышать его могли только давно привыкшие ко всему стены усадьбы, да старый почерневший колодец, умудрившийся сохранить в себе чистейшую родниковую воду.

А совсем недалеко, на берегу безымянной маленькой речушки, под раскаты грома и вспышки молнии, завернувшись в теплый спальный мешок, пытался заснуть одинокий велосипедист. Но сон никак не шел. Завтра будет годовщина их встречи. Завтра он опять пробежит по душистому лугу к ставшей уже родной каменной алее. Войдет в распахнутую дверь гостиной, и может быть; Может быть, наконец-то, увидит ее, с виноватой улыбкой бросающуюся ему на шею. И снова услышит ее тихое и нежное: «Любимый мой; любимый;»